

А

СОЧИНЕНІЯ
ФЕНИМОРА КУПЕРА.

.... VI.

Р 58
225

ПОСЕЛЕНЦЫ.

(The Pioneers.)

ПОВѢСТЬ

ФЭНИМОРА КУПЕРА.

Переводъ Д. Коковцова.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ЛТ 41

ВМС

ИЗДАНИЕ КНИГПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, } МОСКВА,
Гостинный дворъ, № 17 и 18. } Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

....., 6 1880 ..

Содержание.

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	4
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	14
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	17
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	19
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	21
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	25
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	28
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.....	34
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	40
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.....	44
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.....	51
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.....	55

ВВЕДЕНИЕ.

Прежде чѣмъ начать нашъ разсказъ, мы должны, хотя вкратцѣ, объяснить отношенія нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ.

Около 1670 года, въ Пенсильванію прибылъ человѣкъ, по имени Мармадуке Темплъ, купилъ большую полосу земли и сдѣлался защитникомъ и покровителемъ многихъ бѣдныхъ колонистовъ. Онъ былъ очень благочестивъ; хозяйственные же занятія его были не обширны, и онъ умеръ какъ разъ вовремя, чтобъ избѣгнуть страшной участи совершеннаго разоренія. Наслѣдники его не сумѣли поправить своихъ обстоятельствъ дѣятельностію и прилежаніемъ; все болѣе и болѣе погружались они въ бѣдность и нищету, пока, наконецъ, отецъ человѣка, играющаго въ нашемъ разсказѣ важную роль, подъ именемъ судьи Мармадуке Темпля, снова успѣлъ подняться по гражданской общественной лѣстницѣ. Онъ женился на богатой дѣвушкѣ, и тѣмъ получилъ средства дать своему единственному сыну отличное воспитаніе.

Молодой Мармадуке познакомился въ школѣ съ ровестникомъ своимъ, Эдуардомъ Эффингамомъ. Его семейство было богато и имѣло вѣсь; отецъ былъ прежде солдатомъ, и затѣмъ, прослуживъ много лѣтъ своему королю офицеромъ, удалился къ частной жизни, въ чинѣ маіора.

Когда женился единственный сынъ его, Эдуардъ, то маіоръ отдалъ ему все свое огромное состояніе, и Эдуардъ поспѣшилъ отыскать своего товарища, Темпля, и предложить свои услуги, располагать которыми онъ имѣлъ теперь возможность.

На деньги Эдуарда, въ столицѣ Пенсильваніи устроился немедленно торговый домъ, управленіе которымъ поручено было молодому Мармадуке, и онъ считался единственнымъ хозяиномъ, не смотря на то, что и другой имѣлъ скрытно половинное участіе въ доходахъ предпріятія. Союзъ этотъ долженъ былъ оставаться скрытымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, Эдуардъ, какъ потомокъ воиновъ, считалъ униженіемъ принимать открытое участіе въ торговлѣ; а во-вторыхъ, маіоръ Эффингамъ питалъ непреодолимое отвращеніе ко всему, что носило имя квакера; Мармадуке же, хотя самъ и не придерживался строго этой секты, но все таки происходилъ отъ древней квакерской фамиліи.

Много лѣтъ управлялъ Мармадуке торговлею съ такимъ благоразуміемъ, что достигъ большихъ барышей.

Но возникшія безпокойства, которыя предшествовали войнѣ за американскую независимость, послужили поводомъ тому, что тайный союзъ друзей получилъ тяжкій ударъ.

Эффингамъ держался стороны англичанъ, между тѣмъ какъ Темплъ присоединился къ своимъ соотечественникамъ. Какъ только началась война, то Эффингамъ, передавъ на сохраненіе своему другу всѣ бумаги и все, что имѣлъ цѣннаго, оставилъ безъ отца своего колонію, чтобъ присоединиться къ войску англійскаго короля. Такимъ образомъ прекратились всѣ сношенія между друзьями, и Мармадуке, вслѣдствіе войны, увидѣлъ необходимость взять все свое имущество вмѣстѣ съ бумагами своего друга изъ района королевскихъ войскъ, и покинуть Филадельфію.

По окончаніи войны, Мармадуке купилъ за безцѣнокъ обширныя владѣнія и сосредоточилъ все вниманіе на обработкѣ земли, которая подъ его разумнымъ руководствомъ приносила гораздо болѣе дохода, чѣмъ можно было ожидать; вскорѣ онъ считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ владѣльцевъ страны. Единственной его наслѣдницей была дочь, мать которой умерла еще до начала нашего разсказа. Никому не были достовѣрно извѣстны настоящія отношенія богатаго владѣльца къ его прежнему другу, Эдуарду Эффингаму, но они ясно разовьются передъ нами ниже.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ одинъ прекрасный, но холодный декабрскій день 1793 года, тихо подымались сани по отлогости горы, лежащей недалеко отъ источника Сускеганы, почти въ центрѣ Нью-іоркскаго штата. На всемъ пространствѣ, куда только достигалъ взоръ, земля покрыта была снѣгомъ на цѣлый аршинъ. Въ воздухѣ сверкали и блестали мильоны ледяныхъ кристалловъ. Морозъ былъ такъ силенъ, что лошади, запряженные въ сани, покрылись слоємъ инея. Ими управлялъ негръ, черное лицо котораго пестрѣло отъ холода, и изъ его большихъ черныхъ глазъ невольно струились слезы. Не смотря на то, онъ весело улыбался, вспоминая о близости своей родины и предстоящихъ удовольствіяхъ сочельника въ теплой комнатѣ. Въ довольно помѣстительныхъ саняхъ сидѣли только двѣ osoby: мужчина среднихъ лѣтъ и молодая девушка.

Оба были такъ закутаны въ шубы и разную теплую одежду, что можно было видѣть только черные глаза дѣвушки и прекрасное, выразительное лицо мужчины, черты котораго обнаруживали умъ, веселый нравъ и добродушіе.

Путешественники эти были: судья Мармадуке Темплъ и дочь его Елисавета, которую отецъ везъ обратно на родину послѣ четырехъ лѣтъ, проведенныхъ ею въ одномъ изъ пансіоновъ Нью-Йорка.

Гора, на которую подымались сани, окаймлена была громадными красными елями, верхушки которыхъ подымались болѣе чѣмъ на 180 футовъ. Кругомъ царствовало глубочайшее спокойствіе: только тихо колыхались и шумѣли вершины деревьевъ, волнуемая вѣтромъ, отъ котораго путешественники

защищались густымъ лѣсомъ. Сани безпрепятственно подвигались, какъ вдругъ послышался громкій, продолжительный вой какъ будто стаи собакъ, повторяемый эхомъ по верхамъ лѣсистыхъ горъ. Судья тотчасъ же приказалъ негру разнуздать лошадей и остановиться.

— Не ѣзди дальше, Али, сказалъ онъ: — тамъ старый Гекторъ, котораго лай я узнаю изъ десяти тысячъ собакъ. Кожаный-Чулокъ, вѣроятно, на охоте, и я вижу въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди насъ свѣжіе слѣды оленя. Лиза, если ты не боишься выстрѣла, я общаю тебѣ для сочельника великолѣпное жаркое.

Негръ сдержалъ лошадь, а Мармадуке Темплъ вышелъ изъ саней, снявъ предварительно шубу. Поспѣшно отыскалъ онъ свое великолѣпное двустольное ружье, осмотрѣлъ курки и только-что хотѣлъ идти, какъ въ кустахъ послышался легкій шорохъ приближающагося оленя, и вскорѣ затѣмъ статное животное въ нѣсколькихъ шагахъ отъ проѣзжающихъ стало переходить черезъ дорогу. Ричардъ Темплъ съ увѣренностію опытнаго охотника поднялъ ружье и выстрѣлил. Животное, казалось, невредимо бѣжало далѣе; Темплъ вторично выстрѣлил по немъ, но и этотъ выстрѣлъ едва ли былъ удачнѣе. Елизавета думала, что олень ушелъ, какъ этотъ вдругъ снова явился и спокойно продолжалъ дорогу. Въ это время въ воздухѣ раздался громкій и звучный выстрѣлъ; олень сдѣлалъ сильный прыжокъ и когда выстрѣлъ повторился, то упалъ на землю и нѣсколько времени катался по снѣгу. Громкое: браво! раздалось изъ устъ невидимаго стрѣлка и изъ-за елей показались двое мужчинъ, наблюдавшихъ, вѣроятно, за оленемъ.

— Ага, Натти! вскричалъ Темплъ, приближаясь къ убитому животному: — еслибъ я зналъ, что вы такъ близко устроили свою засаду, то поберегъ бы свои заряды; но все же нельзя ручаться, что ни одна изъ моихъ пуль не попала въ него.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, съ спокойнымъ смѣхомъ: — вы истратили зарядъ только для того, чтобы погрѣть свой носъ въ холодный вечеръ. Какъ могли вы надѣяться убить взрослого оленя изъ такого ружья какъ ваше; стрѣляйте-ка лучше фазановъ и лебедей, которыхъ довольно у вашего дома; для нихъ оно годится; но если вамъ захочется медвѣжьяго окорока или настоящаго оленя, то я вамъ совѣтовалъ бы употреблять лучше длинное ружье, если не хотите истратить болѣе пороху, чѣмъ можете.

— Нѣтъ, Натти, ружье стрѣляетъ хорошо, и отъ него досталось уже не одному оленю, отвѣчалъ Темплъ, съ самодовольной улыбкой. Конечно, одинъ стволъ былъ заряженъ мелкой, а другой крупной дробью, но вѣдь въ оленѣ два выстрѣла: одинъ въ сердце, а другой въ шею, и очень можетъ быть, Натти, что одинъ мой.

— Ну, все равно, кто его ни застрѣлил, дѣло въ томъ, кто его уничтожить, отвѣтилъ раздраженный охотникъ, и, вынувъ ножъ, перерѣзалъ оленю горло. Если въ оленѣ двѣ, пули, то развѣ не два выстрѣла были сдѣланы? И развѣ неограниченный стволъ могъ сдѣлать такую рану, какъ у него на шею. Вы не можете отрицать, Темплъ, что олень палъ при послѣднемъ выстрѣлѣ, а выстрѣлъ этотъ сдѣланъ былъ рукой болѣе молодой чѣмъ наша. Что касается меня, то я, хотя и бѣдный человѣкъ, могу обойтись и безъ этой дичи, но при всемъ томъ, неохотно отказался бы отъ своихъ справедливыхъ притязаній въ свободномъ государствѣ.

— Этого и не нужно, Натти: я защищаю свой выстрѣлъ только изъ-за чести. Животное можно оплатить нѣсколькими долларами, но чѣмъ можно вознаградить за честь носить олений хвостъ на шапкѣ? Подумай только, какъ могъ бы я осмѣять двоюроднаго брата, который во всю зиму принесъ домой только куропатку да пару сѣренькихъ векшъ.

— Да, да, Темплъ; дичь теперь все становятся рѣже, чѣмъ болѣе распространяется порубка лѣса, сказалъ Натти, качая головой. Было время, когда я убивалъ изъ моей хижины тринадцать оленей, не считая молодыхъ. Чтобы имѣть медвѣжій окорокъ, стоило только не поспать ночь, и можно было навѣрно сказать, что убьешь медвѣдя изъ щелей блокгауза; да притомъ и уснуть не было возможности, потому что волки своимъ воемъ держали насторожѣ. Вотъ и Гекторъ, сказалъ Натти, дружески похлопывая по широкой спинѣ большой черной съ желтыми пятнами охотничьей собаки, съ бѣлымъ хвостомъ и лапами; посмотрите, какъ волки прорвали ему горло. Это случилось въ ту ночь, когда они хотѣли вытащить у меня дичь изъ трубы. Да, собака вѣрнѣе инаго христіанина: она никогда не забываетъ своего друга и не противится той рукѣ, которая ее кормитъ.

Въ обращеніи стараго охотника было что-то особенное, что сильно привлекло къ нему вниманіе Елизаветы, такъ что она разсматривала его наружность и одѣяніе. Онъ былъ такъ высокъ и худощавъ, что казался выше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. На головѣ у него была теплая, хотя довольно потертая лисья шапка. Лицо его было также худощаво, какъ и вся его фигура, но черты выражали крепкое и постоянное здоровье. Его кожа получила ровный, красноватый оттѣнокъ отъ холода и вѣтра. Изъ-подъ густыхъ бровей, сквозь которыя начала уже пробиваться сѣдина, блестѣлъ все еще ясный и искристый глазъ.

Его худая шея была обнажена и доступна дождю и холоду; на томъ мѣстѣ, гдѣ застегнуто было его верхнее платье, виднѣлась узенькая полоса клѣтчатаго воротника. Остальная одежда его состояла изъ дубленой кожи оленя, еще покрытой волосами, поддерживаемой пестрымъ поясомъ. На ногахъ у него были надѣты мокасины также изъ оленьей шкуры, украшенные колючками дикобраза; камаша доходила до колѣнъ и были сшиты изъ оленьей шкуры, равно какъ и панталоны, у которыхъ они оканчивались; вслѣдствіе: этого поселенцы дали ему названіе Кожаный Чулокъ. Черезъ лѣвое плечо надѣтъ былъ ремень